

АЛЕКСЕЙ ШЛЯКОВ

Тюменский индустриальный университет

К ИСТОРИИ РУССКОГО БРОДЯЖНИЧЕСТВА XVII–XIX ВЕКОВ

To the history of the Russian vagrancy XVII–XIX centuries

Ключевые слова: бродяжничество, бродяга, нищенство, нищий, церковь, милосердие, христианские традиции

KEY WORDS: vagabondism, vagabond, mendicity, a beggar, church, mercy, Christian values

ABSTRACT: In the following article analysis of vagabondism in Russia is being made, based on sources from literature, journalism and the Holy Father. The particular qualities of the Church, temporal powers, and common society members' attitudes towards vagabondism are being viewed. The periods of the romanticizing of vagabondism in the history of Russia are being described as well as periods when vagabondism was subjected to social exclusion. A gradual transition of the perception of vagabondism from the field of Christian traditional humility and mercy to a social field which inflicts responsibility for one's behavior on the subject of vagabondism is explored. Methods and manners of charity for vagabonds and the poor are being viewed as well as the imperative measures and sanctions of the struggle against mendicity and vagabondism in various historical periods. The classifications of vagabonds, offered by Russian thinkers, are being researched since they allow us to distinguish between the needy and those who use the image of a vagabond for their own profit and who speculate on Christian feelings. Generally, the authors come to a conclusion that unlike Western Europe, where vagabondism was banned and where vagabonds were punished severely, the attitude towards vagabonds in pre-revolutionary Russia was based on the orthodox values and included humanity and mercifulness.

1. Введение

События последних десятилетий и в России, и в мире: финансовые кризисы, войны на сопредельных территориях, природные и техногенные катаклизмы ведут к массовому обнищанию населения, лишая людей дома, имущества, Родины. Обострение конкурентной борьбы в жестких условиях рыночной экономики приводит к пополнению маргинальных слоев населения за счет новых безработных, разорившихся людей. Явление бродяжничества в России, которое до недавнего времени было представлено нищими, бездомными, странниками сегодня приобретает новые формы проявления, к которым относятся трудовая миграция («гастарбайтеры»), беженцы, фрилансеры.

Так как социальное отклонение возникает не мгновенно, а имеет свое проявление в различные эпохи, для выявления причин явления необходимо обращение к его историко-культурологическому анализу.

Исторический анализ позволяет обнаружить, как менялось восприятие бродяжничества со стороны рядовых граждан, и со стороны официальной власти. Этот экскурс поможет определить место бродяжничества в отечественной культуре, установить критерии, по которым выявлялись бродяги, и производилась классификация бродяг.

2. Материалы и методы

Исследование такого феномена как бродяжничество необходимо осуществлять в системе взаимодействия различных областей гуманитарного знания с привлечением таких наук как история, социология, философия, способных дать представление о феномене как результате взаимодействия социально-экономических причин и духовно-нравственных деформаций. Так как после 1917 г. бродяжничество стало рассматриваться только в системе уголовного права как наказуемый образ жизни, при написании статьи были использованы архивные документы, публицистические материалы, краеведческая литература русских ученых, писателей, журналистов дореволюционного периода.

Методологическую основу исследования составили: историко-антропологические концепции (феноменология, герменевтика), в которых культурное историческое пространство выступает совокупностью социокультурных сред, взаимодействие между которыми определяется человеком, сравнительно-исторический метод, который осуществляет рассмотрение феномена бродяжничества в различных периодах истории отечественной культуры, с учетом объективных закономерностей, определяющих условия социального и экономического развития, диалектический метод, выявляющий каузальные связи между экономическим, социальным, духовным состоянием общества в конкретно-исторический период и местом бродяжничества в культурном пространстве, и позволяющий обнаружить противоречивость феномена бродяжничества в системе отношений «власть-общество», «церковь-государство».

3. Результаты

В России всегда было много бродяг. Этому способствовали, в том числе и объективные причины: религиозные (православные с состраданием относятся к бродягам), географические (масштабность территории), национальные

(склонность к сочувствию и милосердие). Обилие бродяг беспокоило власти, так как они не платят налоги, портят имидж государства, пополняют ряды преступников.

Вопрос о проявлении милосердия и сострадания со стороны князей к нуждающимся, неимущим поднимаются еще Даниилом Заточником. Даниил, опираясь на Священное Писание, провозглашает милосердие непременным атрибутом власти. В мире Господа существует иное мировосприятие, иные правила социального бытия, которые и нужно увидеть князьям: «Посмотри на птиц небесных – не пашут, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господин, ищем милости твоей».

Милосердие, княжеская помощь выступают избавлением от нищеты, обездоленности, бродяжничества. Эти явления Даниил Заточник оценивает негативно, как разрушающие отношения между человеком и миром, но ответственность за это лежит и на князе, в его силах не допустить эти негативные изменения в своих подданных.

Нужда и нищета подавляют в человеке доброе начало и позволяют проявиться низменным качествам. Даниил видит суть бродяжничества, нищеты не только в страданиях, которые приходится претерпевать человеку, но и как возможность появления социальных и нравственных патологий. Даниил Заточник видит в нищенстве, бродяжничестве путь к святости из мирской жизни, а возможные губительные последствия бродячего образа жизни можно избежать, если человек получит княжеское вспоможение (Изборник 1969, 178).

Основная помощь бродягам и нищим была монастырская, к которой в XIV–XVII вв. стали добавляться нерелигиозные проявления благотворительности. Судебник 1550 г. являясь формирующимся законодательством государственного призрения, учитывает не только церковный взгляд на бродяжничество, но и объективные внешние факторы возникновения социальных патологий. Нищенство может быть не только результатом лени человека или неумелого хозяйствования, но и результатом утраты имущества в силу природных катаклизмов (наводнение, пожары). Нищенство и бродяжничество обрели официальный легальный статус института и образа жизни, в то время, когда в Европе нищенство и бродяжничество попадали под запрет законов, то в XV в. в России эти явления попадали под защиту законов (Фирсов 2001, 67).

Официальное признание бродяжничества стало возможным не только благодаря процветающим в обществе христианским идеалам милосердия, согласно которым милостыня и подаяние есть главный путь приближения к Богу, Церкви, Истине, но и потому, что в обществе отсутствовал соответствующий институт призрения. Однако в это время власть реализует ряд профилактических мер, по предупреждению или минимизации социальных девиаций таких как разбой, проституция.

В начале XVII в. в России выходит Указ (1603 г.), согласно которому во времена голода позволялось отпускать семьи на волю без соответствующего юридического оформления. Это спровоцировало повальное бродяжничество крестьян в России. В России этого периода отношение к нищим и бродягам формировалась на основе христианского представления о добродетели. Ермолай Еразм в своих сочинениях предлагал творить милостыню нищим смиренно, «возлюбиша и не оскорбиша», а также призывал к вселенскому равенству «на основании истинного покаяния богатого и принятия им нищеты, как честнейшего богатства» (Мельникова 2005, 77).

М. Грек (1911, 123 ссл.) бродяжничество считал основой христианства и грезил о наступлении культуры справедливости, в которой наступит равенство. Тех, кто не примет бродяг ждет возмездие: «Правитель, выгнавший из города скитающихся по миру, тем самым восстал на Бога». Но уже Епифаний Славинецкий видел в бродягах не только «ищущих Христа живого», но и бездельников, спекулирующих на христианском милосердии (Ротар 1900).

В эпоху правления Ивана IV бродяжничество воспринималось не только как путь к святости, но и как не нормальный образ жизни, конфликтующий с устойчивыми социальными представлениями о жизненном пути человека. Иван IV Грозный приказал для неимущих людей, для бродяг и калек создавать богадельни, так как их присутствие в обществе оскорбляет чувства людей: «мужики и жинки, бегают из села в село нагие да босые, трясутся и кричат», – пишет он во 2 послании к Собору (Пыляев 1990, 216). Чтобы отличить действительно нуждающихся в помощи от тунеядцев и попрошаек Иван IV организовывает управление, которое должно выявлять причины бродяжничества и учитывать всех собирающихся в соответствующих списках. Отныне нищий, бродяга рассматривается с точки зрения – может он или не может быть как другие люди, его идентификация осуществляется по отношению к явлениям социального бытия, в котором субъект выступает носителем базовых ценностей. Классифицирование бродяг происходит на основании следующих признаков: возраст, статус в обществе, источник дохода. Нищих и бродяг этого времени делили на прокаженных, колосных, престарелых, «на тележках и санях возящих», «неимущих, главы где преклонити».

Попытка решить проблему бродяжничества путем строительства богаделен была продолжена при царе Алексее Михайловиче, однако бродяги и нищие, попав в богадельню, не прекращали своего занятия, продолжая попрошайничать, используя богадельню как притон, место сбора для обмена информацией, знакомство с иным опытом.

Привлечение православной церкви к решению проблемы бродяжничества осуществил царь Федор Алексеевич. В 1616 г. он повелевает церковному собору собрать всех бродяг и нищих, выявить нуждающихся, обеспечить

им пристанище, а трудоспособным предоставить работу. По его замыслу нуждающиеся должны получить помощь, но тунеядцы должны быть принуждены к труду.

В конце XVII в. бродяжничество достигает угрожающих масштабов, что побуждает Синод к изданию постановления от 14 июля 1732 г., в котором значилось:

Бродяг в безобразных одеяниях в церковь не пускать, а кто в приличной одежде, может входить, но должен стоять в уединенном месте. А из присутствующих выяснить, не притворяются ли они, чьи будут и отколь пищу и одежду получают (Пыляев 1990, 217).

Кардинально изменилось отношение власти к бродягам в период правления Петра I, который в 1712 г. запретил просить милостыню, а позднее – даже подавать нищим. Виновным грозил денежный штраф, но учитывая устойчивость православной традиции творить милостыню «Христа ради» и под давлением Церкви Петр отменил свой запрет на подавание. Отношение к человеку в эпоху правления Петра I, определялось трудовой стоимостью субъекта, поэтому те, кто избегал трудовой повинности, разыскивались властями, отсылались к месту приписки и принуждались к труду. В 1774 г. издается Инструкция к магистратам, где в §34 прописывался запрет на любую помощь странникам, бродягам, прибывшим из различных населенных пунктов (Фирсов 2001, 109). При этом разъяснялось, что бродячий образ жизни непременно ведет к преступлениям: разбою, воровству. В этот исторический период совершается уход от богословских религиозных принципов оценки бродяг и нищих. Бродяга лишился «заступника» и вынужден отныне нести ответственность перед социальным институтом. При оценке бродяжничества возникают новые критерии: уже существующий признак «возможно – невозможно» быть как все дополняется оценкой «пристойно – непристойно», во внимание берется поведение бродяг в храме, а также способ прошения милостыни, не оскорбляет ли он эстетические и религиозные чувства граждан. Дифференциация нищих бродяг производится на основании их возможной готовности стать достойными членами общежития. Плоскость их восприятия располагается на границе социальных норм и отклонений. Религиозный подход окончательно уступает место социальному, а нужда и участь нищего человека рассматривается не в контексте пути к вечности, а исходя из конкретных проблем общества.

Царица Прасковья Федоровна изменила отношение к бродягам и даже допускала их к своему двору, многим юродивым приписывали мистическое значение, у них целовали руки, спрашивали пророчества. Бродяжничество стало делом полиции только при Екатерине II. Александр I инициировал

создание благотворительных фондов помощи неимущим и бродягам, который финансировался частными взносами, сборами и таких фондов, благотворительных обществ до 1917 г. было немало, а богатые и именитые люди считали своим долгом принимать участие в благотворительной деятельности.

В XIX в. русскими мыслителями осуществляются попытки дифференцировать бродяг, создать классификацию неимущих. Русский писатель С. Максимов, для которого основной темой произведений было городское «дно» предложил бродяг определять как:

сословие, состоящее из четырех разрядов:

- кои впали в убожество от стечения несчастных обстоятельств,
- кои не могут по причине сиротства, дряхлости, старости, болезней снискать себе пропитание,
- кои могли бы еще приобретать себе пропитание, но не имеют ни случаев, ни способов к работе и занятиям и впали в нищету,
- кои могли бы по летам и здоровью трудиться, но по лености, праздности и дурному поведению составили для себя из прошения милостыни род ремесла (Максимов 2009).

В начале XX в. ученые пытались объяснить бродяжничество и выявить психотип предрасположенного к бродяжничеству человека. Первый съезд русских деятелей по частному призрению, проходивший в 1910 г. обозначил следующие: поляризация доходов, обнищание крестьянства, отсутствие поддержки для развития кустарного промысла, дороговизна земли, массовое переселения крестьянства в город и возникновение пролетариата, который уже по сути своей есть «бродячий элемент», создающий духовную базу для бродяжничества. Другими причинами ведущими к бродяжничеству были названо пьянство «самый сильный, самый энергичный и самый беспощадный враг русского народа» (Линев 1891, 43), повальная милостыня, которая способствует развращению и росту иждивенческих настроений, мнимое милосердие людей, которые не принуждают детей к труду в семье. Наряду с этими причинами русские мыслители выявили ряд психических особенностей бродяги, среди которых не способность справляться с трудностями и конфликтами, смирение перед неудачами, нечистоплотность, неопрятность, астеничность, лень, потребность в развлечении и новизне (Дриль 1898, 34). Отечественные исследователи объединяли возможные причины превращения человека в бродягу в три большие группы: объективные, внешние; субъективно-личностные; социальные.

Одним из важных обстоятельств, спровоцировавших появление «бродячей Руси» стало массовое переселение крестьян, вызванное резким снижением уровня жизни в деревне. Первыми бродягами становились крестьяне, которые получив право 26 ноября (по старому стилю) покидать хозяина,

место жительство в поисках лучшей жизни срывались с обжитых мест. Многочисленные потоки кочевали по России, разоряясь, заболевая, теряя семьи. С появлением промышленных городов переселение приняло массовый характер, так как отходнический заработок часто становился единственным доходом в крестьянском хозяйстве.

Количество бродяг в городах было значительно больше, чем в селах и деревнях. Л. Н. Толстой (2006, 187) писал, что деревенские нищие бредут с сумой «Христа ради», а у городских нет ни сумы, ни Христа. Сам по себе крестьянин тяготеет к оседлому образу жизни. Он стремится укорениться в месте своего проживания. Крестьянское сознание обладает способностью отождествлять себя с той или иной местностью, что связано с верованием в то, что место проживания населено душами предков и там, где не было диких проявлений крепостничества, люди не опускались до нищенского промысла. Но при этом Толстой пояснял, что неимущих из деревень привлекает к себе богатство города: «Из деревни, где сосредоточены все богатства земли, люди идут в то место, где нет ни земли, ни травы, а только камень да пыль» (Толстой 1983, 202). Возникает парадоксальная ситуация, когда крестьянин, чтобы купить хлеб и скотину, вынужден ехать в город и продавать хлеб и скотину, в которых он нуждается. Однако не только это гонит крестьян в город: «легкая жизнь», роскошь, возможность «работать легче, а есть лучше, чтобы пьянствовать и распутничать».

Утратив связь с деревней и еще не став городским, переселенец превращается в новый феномен, который получил название *набродь* маргинальное звено между традиционной и индустриальной культурой. А. Горчева (1995) отмечает, что появляется новый феномен – «набродь» – наиболее активная миграционная единица, которой не дороги ни местные традиции, ни местная история.

Причины массовых движений, переселений и тяги к неоседлости В. Ключевский видел в истории России – «страны колонизируемой». Он писал:

По условиям своей исторической жизни и географической обстановки население распространялось по равнине не постепенно, путем нарождения, не расселяясь, а переселяясь, переносилась птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и селясь на новые (Ключевский 1987, 49).

Движущийся поток русского народа мог останавливаться под действием новых особенностей неизвестного ландшафта, который оказывал влияние и на формирование особого склада характера и влиял на дальнейший вектор развития народа.

4. Заключение

Это движение повлияло на возникновение особого умонастроения русского народа, на его своеобразном отношении к стране, к окружающей действительности, выработало определенную стратегию адаптации. Парадоксальность русской истории и русской души философ Н. А. Бердяев видел в несоединяемости мужского и женского: в России активное творческое начало приходит всегда извне и превращается в порабощающего деспота, который побуждает русского человека к анархии, к бунту, к побегу. Несмотря на то, что еще с петровских времен бродяжничество рассматривалась как социальное отклонение, бродяга в России всегда вызывал сочувствие и некоторое почтение. В русской культуре прочно закрепилось представление о неблагополучии, как необходимом условии для очищения души и укрепления духа, а образ жизни бродяги ассоциировался с поиском Христа, Истины и Свободы. С приближением XX в., с завершением эпохи аграрной цивилизации, которая привязывала человека к земле и, в принципе, лишала потребности совершать перемещения, индустриальная эпоха породила многочисленную армию «бродячего пролетариата», группы, у которой отсутствует привязанность к дому, собственности, земле, группа, потерявшая Истину и уже не ищущая Христа.

Библиография

- Горчева, А. (1995), Нищие: неуничтожимость материи. В: Утро России 14–20 сентября.
- ГРЕК, М. (1911), Сочинения. Ч. 3. Троицко-Сергиева лавра. Собственная типография.
- Дриль, Д. А. (1898), Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними. Санкт-Петербург. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) (1969). Москва.
- Ключевский, В. О. (1987), Курс русской истории. Ч. 1. Москва.
- Линев, Д. А. (1891), Причины русского нищенства и необходимые против них меры. Санкт-Петербург.
- Мельникова, В. П./Холостова, Е. И. (2005), История социальной работы в России. Москва.
- Пыляев, М. И. (1990), Старое житие. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Москва.
- РОТАР, И. (1900), Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. В: Киевская старина. 12, 390–395.
- СВИРСКИЙ, А. И./МАКСИМОВ, С. В. (2009), История нищенства на Руси. Москва.
- Толстой, Л. Н. (1983), Собрание сочинений. Т. 16. Публицистические произведения. 1855–1886. Москва.
- Толстой, Л. Н. (2006), Собрание сочинений. Т. 8. Публицистика. Москва.
- Фирсов, М. В. (2001), История социальной работы в России. Москва.